

III. Страницы новейшей истории

Виктор Исаев

Зоркое око «Пролетарской Фемиды».

Московский показательный судебный процесс над немецкими студентами в 1925 г.

Богиня Фемида изображается с весами в руках и с повязкой на глазах. Этот образ символизирует объективность и беспристрастность правосудия: в случае нарушения закона должна быть отмерена равная для всех людей мера наказания, не взирая на какие-либо качества и привилегии человека, стоящего перед ней. Но таким был идеальный образ Фемиды буржуазной. В России после Октябрьской революции 1917 г. первым же декретом, касавшимся отправления правосудия в советской республике, прежняя судебная система объявлялась ликвидированной. Буржуазное право, в том числе нормы и процедуры суда, было объявлено атрибутом прошлого и отныне отменялось. Новая пролетарская Фемида, руководствуясь «революционным правосознанием», приобрела привычку пристально и подозрительно рассматривать стоявшего перед судом человека, особенно старательно выясняя его классовое происхождение и политическое лицо. Пролетарии и беднейшие крестьяне заслуживали снисхождения суда, а вот представители аристократии, духовенства, буржуазии и вообще все те, кто имел какой-либо материальный достаток и образование, должны были нести более строгое наказание, расплачиваясь за свою историческую вину перед трудовым народом.

Согласно классическим канонам буржуазного права вина человека должна быть установлена судом только на основе объективных фактов, неопровержимых доказательств. Но пролетарская Фемида стала видеть намного лучше: теперь можно было признать виновным человека даже за сказанные им слова, намерения, а то и за предполагаемые мысли. Особенно когда перед пролетарским судом оказывались представители «нетрудовых» классов.

Пристрастному разглядыванию советской Фемиды подвергались не только граждане СССР, но и иностранные граждане, которым волею случая приходилось попадать на ее весы. Нетрадиционный характер пролетарского правосудия во всей полноте проявился во время показательного судебного процесса над тремя немецкими студентами, состоявшегося в Москве в конце июня – начале июля

1925 г. Молодые люди приехали в советскую Россию как туристы, но вскоре были арестованы ОГПУ и оказались на скамье подсудимых. Их обвинили в том, что они проникли в страну с целью убийства большевистских вождей.

Попробуем восстановить цепь событий по архивным документам и газетным публикациям того времени.¹ Весной 1924 г. в студенческой среде Берлинского университета Фридриха-Вильгельма стало известно о намерении двух коллег - Карла Киндермана и Теодора Вольшта - совершить научную экспедицию в Советскую Россию. Инициатором и руководителем экспедиции стал Карл Киндерман, только что окончивший названный университет и соответственно получивший звание доктора философии. Примкнувший к нему Теодор Вольшт был еще студентом, завершавшим курс обучения. С мальчишеским бахвальством Карл подчеркивал, что он является самым молодым доктором философии в Германии. Ему исполнился только 21 год, он мечтал о славе путешественника и ученого. Незадолго перед поездкой в СССР он побывал на севере Норвегии, увлекся полярными путешествиями, поэтому и в России намеревался посетить Сибирь, а затем выйти к Северному Ледовитому океану.

Прослышав о планировавшейся поездке в большевистскую Россию, к экспедиции решил присоединиться студент этого же университета Макс фон Дитмар. Происходивший из рода обедневших прусских помещиков, владевших землей в Эстонии, фон Дитмар родился в эстонском городе Аренсбурге, то есть был в детстве подданным Российской империи. Он хорошо освоил русский язык за время проживания в Эстонии и вообще считал себя знатоком России. Хотя Макс фон Дитмар не имел германского гражданства, он входил во многие студенческие объединения, и приехав из Эстонии в 1923 г., включился в бурную политическую жизнь Веймарской республики. За участие в рабочей демонстрации в Мюнхене был выслан полицией из Баварии. Завязал знакомства и с представителями коммунистического движения в Германии. Именно по рекомендации знавших его коммунистов Макс фон Дитмар в 1924 г., незадолго до отъезда в СССР, получил членский билет КПГ вместо якобы утерянного в 1923 г.

Партийный билет КПГ фон Дитмару и Киндерману посоветовал оформить сотрудник советского посольства в Берлине Якубович. Он заявил: чтобы завоевать признание и поддержку в стране большевиков, участники экспедиции должны запастись документами, свидетельствующими об их близости к революционному движению. Тем более, что все трое действительно интересовались проблемами создания нового социалистического общества и даже называли себя то ли в шутку, то ли всерьез «большевиками». Разумеется, подделка документов, пусть и не таких уж официальных, была не очень благовидным поступком. Но начинающие путешественники были молоды, неопытны, да и вся их затея с поездкой в СССР выглядела как мальчишеская авантюра.

¹ ГАРФ. Ф.9474 .Оп.42. Д. 26 - 30; Газеты: Правда, Известия. 1925. 21 июня – 8 июля.

Карл Киндерман обратился к своему отцу, входившему некоторое время в социал-демократическую, а позднее и в коммунистическую партию Германии, с просьбой помочь ему получить документы о принадлежности к КПГ. Старший Киндерман в это время уже отошел от политики. Но под его началом в городе Дурлахе работал местный председатель ячейки КПГ, который по просьбе отца выдал Карлу членский билет. Записав себе для солидности партийный стаж с 1920 г., Карл вклеил в графу об уплате членских взносов кучу марок, купленных в 1924 г., не подозревая, что эта невинная хитрость вскоре будет разоблачена бдительными советскими чекистами.

Теодору Вольшту также были не чужды идеи социальной справедливости и революции. В мае 1924 г. на выборах в университетский совет он отдал свой голос за представителей коммунистов. Кроме того, рассказывал коллегам о том, что входил в коммунистическую ячейку во время своего проживания в Кобленце. Однако какими-либо документами, подтверждающими его членство в КПГ, он перед отъездом в СССР не располагал.

Получив от председателя коммунистической ячейки в Дурлахе рекомендательное письмо, Карл Киндерман обратился в советское представительство Наркомпроса в Берлине с просьбой о содействии в получении виз и организации научной экспедиции в СССР. В качестве пунктов, которые хотела бы посетить экспедиция, были названы Республика Немцев Поволжья, сибирский старинный город Томск и Якутия.

Через представительство Наркомпроса Киндерманом вскоре были получены приглашения от правительства Республики Немцев Поволжья и ректората Томского университета. Однако якутское правительство, к которому Киндерман обратился за приглашением, надеясь через территорию этой северной республики выйти к побережью Северного Ледовитого океана, на запрос не ответило. Как позднее выяснилось, якутское правительство сочло предложение о посещении республики экспедицией немецких студентов очень подозрительным и передало письмо в ОГПУ.

Начинающие путешественники готовились к поездке в СССР довольно своеобразно, а точнее говоря, легкомысленно. Собираясь в сибирскую дремучую тайгу, где, как они думали, не миновать встречи с медведями, студенты решили вооружиться. Вольшт купил револьвер и несколько пачек патронов к нему. При этом отважным охотникам, по-видимому, даже не пришло в голову поинтересоваться – можно ли одолеть медведя с револьвером, а главное, разрешено ли путешественнику, въезжающему в СССР, брать с собой оружие. На границе СССР при прохождении таможенного досмотра в Себеже револьвер и патроны были изъяты, а позднее сыграли роль доказательства террористических замыслов.

Слухи об отважных студентах, собирающихся ехать в страну, в которой враждебно относились к старой капиталистической Европе, взбудоражили студенческую среду. Многие хотели встретиться со смельчаками. В одной из таких встреч

даже принял участие бывший рейхс-канцлер Михаэлис, являвшийся в то время почетным председателем университетской организации, обеспечивавшей взаимопомощь для нуждавшихся в работе или средствах студентов. Этот факт станет позднее для советских чекистов еще одним основанием утверждать, что туристы на самом деле являлись террористами и диверсантами, получавшими инструкции от высоких должностных лиц Германии.

В октябре 1924 г. Киндерман и Вольшт отправились в Москву через Ригу, где они договорились встретиться с третьим участником экспедиции Максом фон Дитмаром, который, как эстонский гражданин, должен был выезжать в Москву из Эстонии. Однако в Риге их встреча не состоялась. Макс задержался в Ревеле (Таллинне) и в Москву приехал на два дня позже. В поезде, следующем от Риги до Москвы, Киндерман и Вольшт встретили сотрудника германского посольства Гильгера, которому рассказали о планах экспедиции по Советской России. Гильгер дал им свою визитную карточку и пообещал оказать необходимую помощь в Москве.

По прибытии в Москву 13 октября 1924 г. Киндерман и Вольшт обратились в Бюро пролетарского студенчества при ЦК ВКП(б), которое предоставило им комнату в общежитии для иностранных студентов на Малой Бронной улице и талоны на питание. 15 октября к ним присоединился и Макс фон Дитмар.

Немецкие студенты с первых дней пребывания в Москве вели себя слишком раскованно. В стране, в которой к середине двадцатых годов прочно сформировался синдром осажденной капиталистами крепости и, соответственно, повышенной подозрительности к иностранцам, их поведение воспринималось как вызывающее. Они обратились в Наркомпрос с просьбой организовать для них встречу с А.В.Луначарским, кроме того хотели бы встретиться и с Н.К.Крупской. Подобные претензии на встречи с высокопоставленными персонами из советского руководства вызвали недоумение у работников Наркомпроса. О странных посетителях сообщили в ОГПУ, попросив выяснить цели и обстоятельства их появления в СССР.

ОГПУ организовало слежку за прибывшими немецкими студентами и сбор сведений от людей, имевших контакты с ними. После нескольких эпизодов, во время которых путешественники вели себя, по мнению окружающих, подозрительно, о своих наблюдениях в ОГПУ сообщили их соотечественники – немецкие студенты, проживавшие в общежитии по соседству с ними. В частности, у путешественников были замечены значки студенческих корпораций Германии, которые считались в СССР оплотом немецкой реакции и контрреволюции. Представители немецкой и эстонской секций Коминтерна в своих сообщениях в ОГПУ отметили некоторые странности в поведении и высказываниях вновь прибывших молодых товарищей. Так, Макс рассказывал явные небылицы о своем близком знакомстве и совместной работе с руководителем эстонских коммунистов В.Кингисеппом. Теодор Вольшт в кругу немецких коммунистов пытался со-

бирать автографы на карточке с серпом и молотом. Карл Киндерман задавал членам немецкой секции вопросы о возможности встречи с К.Радеком. Все это насторожило опытных коммунистов-подпольщиков.

* * *

В общем, компрометирующих материалов набиралось достаточно. Поэтому сотрудники ОГПУ решили, что нет нужды в организации длительной слежки и в подробном выяснении дальнейших намерений прибывших студентов. Уже 26 октября 1924 г. подозрительные туристы были арестованы и помещены во внутреннюю тюрьму ОГПУ на Лубянке. На первых же допросах немецкие студенты объяснили, что они приехали в СССР с целью провести научные экспедиции в Республику Немцев Поволжья и в Сибирь. В подтверждение этого Карл Киндерман предъявил приглашения от правительства Республики Немцев Поволжья, Томского университета, а также свое письмо в адрес якутского правительства. Кроме того, арестованные заявили, что они являются вовсе не противниками, а идеологическими союзниками большевистской партии и Советской России, а у себя на родине активно участвуют в революционном движении. Действительно, среди их документов чекисты обнаружили членские билеты КПГ и рекомендательные письма от представителей компартии в различные советские представительства в Берлине, Риге и Москве.

Но довольно быстро следователи ОГПУ установили, что партийный билет Киндермана, в котором его партийный стаж якобы начинался с 1920 г., на самом деле выдан в 1924 г. Тогда же были вклеены и марки, подтверждавшие уплату членских взносов за предыдущие годы. Подлинность членства в КПГ фон Дитмара также вызвала у следователей ОГПУ большие сомнения. Тем более, когда выяснилось, что он, пытаясь скрыть свою принадлежность к аристократии, изменил написание фамилии, выбросив приставку «фон» и добавив привычное для русских фамилий окончание, так что по документам и партийному билету он числился Дитмариным.

Видимо, опираясь в основном на факт фальсификации партийных документов, следователи, а возможно само руководство ОГПУ выдвинули следственную версию, по которой арестованные студенты, являясь членами фашистских организаций, прибыли в СССР с целью шпионажа, в частности, выяснения механизма связей между КПГ и Коминтерном, между Коминтерном и советскими представительствами в Германии и прибалтийских республиках. А позднее, чтобы обвинения против студентов выглядели более серьезно, было решено добавить версию о подготовке террористического акта против Сталина, а также заодно и против Троцкого. Троцкий в это время, хотя уже подвергался резкой критике за свои оппозиционные выступления, но занимал (до января 1925 г.) пост Председателя

Реввоенсовета республики и по инерции все еще сохранял ореол одного из высших вождей партии и государства.

Арестованные студенты отрицали наличие в их планах и действиях каких-либо преступных намерений, хотя и вынуждены были признать факт некоторых неточностей в своих партбилетах. Но они по-прежнему настаивали на своей принадлежности к КПГ. Поначалу они, похоже, восприняли свой арест как недоразумение и даже как интересное приключение, позволяя себе вольные высказывания и шутки на допросах и в камерах, где им пришлось общаться с другими арестованными. Судя по многим деталям их авантюрной экспедиции, а также поведения до и после ареста, молодые немцы просто не понимали, что любое их неосторожное действие и высказывание в Советском Союзе может быть при желании представлено как шпионская или террористическая деятельность.

Говоря об обоснованности версии ОГПУ, можно лишь отметить, что кроме факта подделки партбилетов КПГ никаких конкретных преступных действий арестованных студентов вскрыть не удалось. Вряд ли и сами чекисты всерьез верили в выдвинутые обвинения. Если бы студенты действительно были опытными диверсантами и террористами, как утверждалось в ходе следствия и суда, то очевидно, они не допустили бы многих явно нелепых действий, не позволили бы себе быть такими свободными, словоохотливыми, не стали бы так легко общаться с незнакомыми людьми. Но, зацепившись за факт подделки документов, чекисты, вероятно почувствовали, что арест трех туристов можно представить как ликвидацию шпионской группы и раздуть из этого громкое дело, обещающее материальные и политические дивиденды.

Однако поначалу бесконечные допросы не давали нужных следователям ОГПУ результатов. Так продолжалось более трех месяцев, до февраля 1925 г. По имеющимся архивным материалам трудно установить, что стало переломным моментом во всей этой истории. Но в феврале Макс фон Дитмар, по непонятным причинам изменив свою позицию, дал признательные показания, что вся экспедиция действительно была задумана с целью шпионажа и совершения террористических актов против высших советских руководителей. Возможно, добиться нужных показаний от фон Дитмара следователям удалось, используя то обстоятельство, что он не являлся гражданином Германии и, следовательно, чувствовал себя менее защищенным со стороны своего государства, чем Киндерман и Вольшт. Может быть к тому времени уже были получены какие-то компрометирующие его сведения из Германии.

Видимо, протоколы с его признаниями были предъявлены Карлу Киндерману, и тот тоже подписал показания, в которых описывались приготовления и намерения членов группы осуществить шпионские и террористические действия. Возможно также, что Киндерман, устав от бесконечных допросов, поняв, что их могут держать в тюрьме еще очень долго, таким образом стремился довести дело до суда, надеясь, что в ходе открытого обсуждения станут очевидными нелепость

и бездоказательность обвинений. Представители следствия и обвинения на суде настаивали на том, что первым признался не фон Дитмар, а Киндерман, хотя на суде последний полностью отрицал и свою вину, и вину своих товарищей. Но с точки зрения доказательности обвинений было важно, кто признался первым. Иначе признания фон Дитмара выглядели бы в глазах независимых наблюдателей судебного процесса не столь убедительно.

Из материалов дела видно, что следователи ОГПУ использовали при допросах немецких студентов многие из приемов, которые стали широко применяться в период «большого террора» 1936-1938 гг. Здесь и ночные «конвейерные» допросы, и запугивание немедленным расстрелом, и угрозы в адрес членов семьи подследственного. Одним из эффективных методов было помещение в камеру провокатора, которому отчаявшиеся заключенные, нуждавшиеся в психологической поддержке, могли по неосторожности довериться. В камеры, где содержались участники экспедиции, (их, разумеется, поместили отдельно), поочередно подсаживали их соотечественника, некоего Баумана, представлявшего то монархистом, то фашистом, якобы прибывшим в СССР из Германии летом 1924 г. и, как и незадачливые путешественники, попавшемся на подделке партийного билета КПГ. По всей видимости, именно разговоры студентов с Бауманом в камере, о содержании которых он подробно докладывал следователям, позволили сотрудникам ОГПУ добиться от арестованных нужных показаний.

Полученных показаний фон Дитмара и Киндермана было достаточно для составления обвинительного заключения. Один Вольшт по-прежнему упорно отрицал все предъявленные обвинения, но для завершения следствия это уже не являлось серьезным препятствием. Теперь ОГПУ могло торжествовать: советскими чекистами успешно раскрыта группа фашистских диверсантов, проникших в СССР с самыми гнусными намерениями. В марте 1925 г. ОГПУ представило материалы по делу трех немецких студентов в Президиум ЦИК СССР.

Для проведения судебного процесса Президиум ЦИК СССР решил создать в Военной коллегии Верховного Суда СССР специальное судебное присутствие. Возглавить его было поручено специально по такому случаю введенному в состав Верховного Суда известному партийному публицисту Емельяну Ярославскому. Двое других судей, включенных в состав специального присутствия, – В.В.Ульрих и П.А.Камерон - являлись постоянными членами Военной коллегии. Государственным обвинителем на процессе был назначен старший помощник Прокурора РСФСР Н.В.Крыленко, исполнявший по существу функции главного Прокурора республики (номинально тогда Нарком юстиции являлся одновременно и Прокурором).

Предстоящий судебный процесс имел для ОГПУ и советского руководства большое политическое значение: он должен был стать ответным ударом в противоборстве сил мировой пролетарской революции и буржуазной реакции в Европе. К тому же в этом противоборстве возникла очень щекотливая проблема в от-

ношениях между Германией и СССР. В 1923 г. в Германии были предприняты попытки немецких коммунистов поднять революционные восстания сразу в нескольких землях. Руководством Коминтерна перед коммунистами Германии ставилась задача установления советской власти в стране.

Из СССР на территорию Германии была направлена бригада Коминтерна во главе с К. Радеком. Ее задачей являлась идейная и практическая помощь немецким коммунистам в деле организации пролетарской революции. После разгрома коммунистических сил немецкими властями некоторые из посланцев Коминтерна были арестованы.

В Германии прошли судебные процессы против участников коммунистических восстаний. Дополнительным и сенсационным доказательством подрывной деятельности советских большевиков и всего коммунистического движения стало опубликованное в Англии 10 октября 1924 г. знаменитое «письмо Зиновьева», якобы подтверждавшее наличие у Коминтерна широкого плана по свержению правительств в ведущих странах Европы.

Одним из громких процессов против коммунистов стали слушания Конституционного суда в Лейпциге по так называемому "делу ЧК", проходившие с 10 февраля по 22 апреля 1925 г. На нем в качестве обвиняемых в попытке вооруженного захвата власти, в подготовке и организации террористических актов предстали немецкие и иностранные коммунисты, в частности, высокопоставленный сотрудник ОГПУ Александр Скоблевский, который вместе с двумя своими немецкими коллегами был приговорен к смертной казни.

Так что совершенно не случайно Карлу Киндерману во время его конвоирования по коридорам главного здания ОГПУ на Лубянке бросился в глаза крупно написанный лозунг: "Да здравствует ОГПУ - авангард мировой революции".²

В Советском Союзе, разумеется, эти судебные процессы были объявлены незаконными, доказательства вины подсудимых фальсифицированными, а «письмо Зиновьева» - грубой фальшивкой. На этом фоне московский процесс над немецкими студентами, якобы отправленными для убийства вождей СССР фашистской организацией, действовавшей вкуче с монархистами и социал-демократами, должен был стать мощным ответом советской стороны на судебные процессы на Западе против коммунистов и Коминтерна.

Именно поэтому делом немецких студентов занимался сам глава советских чекистов Держинский. Возможно, что ему и принадлежало авторство или, по меньшей мере, одобрение разработанного сотрудниками ОГПУ сценария громкого показательного процесса над посланцами немецких контрреволюционных сил, якобы замышлявшими убийство Сталина и Троцкого. Кстати, внимание Держинского (а, скорее всего, и самого Сталина) к этому делу возможно объясняет и

² Kindermann, Karl. *Zwei Jahre in Moskaus Totenhäusern. Der Moskauer Studentenprozeß und die Arbeitsmethoden der OGPU*. Berlin u. Leipzig 1931. S.50.

неожиданное "возвышение" Троцкого, находившегося в это время в оппозиции и подвергавшегося травле, до ранга главного вождя СССР, которого наряду со Сталиным так рвались убить немецкие студенты. Можно даже предположить, что ОГПУ по заданию Сталина готовило убийство Троцкого, которое затем было бы приписано немецким студентам-террористам. Но опасаясь, что правду скрыть не удастся, ОГПУ не рискнуло реализовать этот замысел.

Киндерман позднее вспоминал, что именно во время встречи с Дзержинским в кабинете Председателя ОГПУ на Лубянке в феврале 1925 г. ему было сделано предложение отказаться от германского гражданства, перейти на сторону СССР и разыграть роль фашиста и диверсанта на показательном суде. Ирония происходящего заключалась в том, что Дзержинский и другие высокопоставленные чины ОГПУ, обвинявшие Киндермана в преступлениях перед советским законом, пытались склонить немецкого студента, воспитанного на уважении к праву, к беззастенчивой лжи перед судом. Карлу настойчиво старались объяснить, что это совершенно неважно - совершал ли он какие-либо преступные действия или нет. Главное, что предстоящий показательный процесс должен помочь делу пролетарской революции в Германии и во всем мире.

Убедившись, что Киндерман не понимает важности возлагаемой на него "исторической миссии", Дзержинский потерял к нему всякий интерес и распорядился увести его. Наказание за несговорчивость последовало тут же. По приказу Дзержинского или его подручных непокорного немца подвергли устрашающей процедуре - имитации расстрела.³ Можно только попытаться представить, что должен был чувствовать несчастный узник, над головой которого свистели пули.

Скорее всего, Дзержинский или его заместитель Менжинский согласовывали замысел и сценарий предстоящего политического "спектакля" со Сталиным. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 7 февраля 1925 г. (т.е. буквально через день после того, как сотрудникам ОГПУ удалось заставить Киндермана подписать так называемое "признание") обсуждалось "дело немецких студентов-террористов". 12 февраля, продолжив это обсуждение, Политбюро решило развернуть встречную пропагандистскую кампанию в ответ на осуждающие публикации в европейской прессе, а также отказать представителям германского посольства во встрече со студентами, "так как это может побудить арестованных не давать в дальнейшем открытых показаний и уже данные взять обратно". В постановлении Политбюро от 12 февраля было записано: "Считать необходимым максимальное использование этого дела в переговорах с германским правительством. Это дело связать с предстоящим коммунистическим процессом в Германии о "ЧК" и других, в которых привлечены в качестве обвиняемых русские граждане".⁴

³ Там же. С.117.

⁴ Политбюро ЦК РКП(б) - ВКП(б) и Европа. Решения "Особой папки". 1923 - 1939. М., 2001. С.66-67.

О том, что членам Политбюро ЦК ВКП(б) было известно о замысле предстоящего показательного процесса и о его настоящей подоплеке свидетельствует также постановление от 13 марта 1925 г., в котором, учитывая мощные протесты европейской общественности против явно затянувшегося содержания студентов под следствием в тюрьме ОГПУ, Менжинскому было поручено: "Формально [!-В.И.] передать дело в Верховный Суд СССР... Следствие продолжить в прежнем порядке за полной ответственностью ОГПУ. Следствие закончить между 15 апреля и 15 мая."⁵ Какой объективности следствия и соблюдения законности можно было ожидать после такого решения? Политбюро по существу давало санкцию ОГПУ на выбивание нужных показаний от арестованных студентов.

Кстати, еще одним косвенным подтверждением того, что немецкие студенты-путешественники стали случайными жертвами, а по сути заложниками в большой игре, организованной ОГПУ, является факт, обнаруженный позднее послом Германии в СССР Брокдорф-Рантцау. Он рассказал представителям немецкой прессы, что в феврале его пригласил к себе председатель СНК СССР А.И.Рыков и дал понять, что обвинения против трех арестованных студентов, двое из которых - немецкие граждане, могут быть сняты и они будут отпущены, если процесс "по делу ЧК" в Лейпциге будет прекращен, а обвиняемые освобождены.⁶ Таким образом, для немецкой стороны стало вполне логичным предположение, что арест трех студентов Берлинского университета с самого начала был предпринят ОГПУ с целью их обмена на своих агентов, схваченных в Германии.

Московский показательный процесс проходил под неусыпным контролем советского руководства и ОГПУ; сценарий его был заранее разработан и четко отрежессирован, predetermined и конечный результат. Об этом, в частности, свидетельствуют события вокруг выбора защитников для обвиняемых. По ходатайству Киндермана и Вольшта им была предоставлена возможность встретиться с представителями германского посольства для решения вопроса об их защите на суде. 20 июня 1925 г. в Верховный суд СССР обратились члены московской коллегии защитников Зоммерфельд и Муравьев. Они заявили, что по предложению германского посольства согласились выступить защитниками Киндермана и Вольшта на предстоящем процессе. Согласно решению, принятому на предварительном заседании суда 20 июня, эти адвокаты были допущены к защите. Однако уже 22 июня 1925 г. от упомянутых защитников вдруг поступило заявление, что они отказываются от участия в процессе по частным мотивам. Нет сомнений, что такое заявление могло быть сделано только под давлением сотрудников ОГПУ.

Скорее всего ни германское посольство, ни Киндерман и Вольшт не были своевременно поставлены в известность об отказе защитников участвовать в процессе. Поскольку до 18 часов 22 июня никаких ходатайств о назначении но-

⁵ Там же. С.73

⁶ Nolte, Ernst. Der europäische Bürgerkrieg. 1917 - 1945. Frankfurt/Main, 1989. S.148.

вых защитников от германского посольства и от подсудимых Верховный суд не получил, то он использовал свое право назначения защитников по собственному усмотрению. Защитником Киндермана был назначен адвокат Духовской, а защиту Вольшта поручили адвокату Корякину.

Понимая неизбежность протеста со стороны германского посольства, суд предусмотрительно заявил, что никакого нарушения германских интересов в таких действиях он не усматривает. Принятое определение было передано Верховным судом 24 июня 1925 г., т.е. только в день открытия процесса, в Наркомат иностранных дел, который в свою очередь отправил его в германское посольство.

Конечно, все причастные к процессу и сами подсудимые понимали, что новые защитники заботливо подобраны для них сотрудниками ОГПУ. Поэтому Киндерман и Вольшт предпочли отказаться от их услуг и защищать себя сами. Для защиты фон Дитмара был назначен адвокат Оцеп, также член московской коллегии защитников⁷.

* * *

Судебный процесс открылся 24 июня 1925 г. в условиях пристального внимания к нему со стороны советской и международной общественности. Заседание должно было вестись на русском и немецком языках, переводчики предоставлялись советской стороной. Для наблюдения за судебным процессом были приглашены сотрудники германского, австрийского и других посольств европейских стран.

Центральные советские газеты организовали постоянную рубрику: «Процесс над немецкими студентами-фашистами» и очень подробно комментировали все происходившее в зале суда и вокруг него. Подробно освещался процесс и в региональной прессе. Так, выходящая в Новосибирске газета «Молодость Сибири» напечатала по итогам процесса пространные комментарии, сопровождая их призывами к сибирской молодежи готовиться к будущим столкновениям с капиталистической Европой⁸.

Обвинительное заключение по делу, с чтения которого Е.Ярославский начал судебный процесс, было известно большинству присутствовавших. За несколько дней до начала суда оно уже было опубликовано в советских газетах⁹. Большая часть текста обвинительного заключения представляла собой политическую декларацию о борьбе мировой буржуазии, а особенно капиталистических стран Европы против Советского Союза. Много места занимало также гневное обличение

⁷ ГАРФ. Ф.9474. Оп. 42.Д. 26. Л. 26-28

⁸ Молодость Сибири. 1925. 10 -12 июля

⁹ Известия. 1925. 21 июня.

немецких социал-демократов и фашистов, с помощью которых реакционные силы борются против мировой пролетарской революции и ее форпоста - страны Советов.

Собственно доказательствам вины подсудимых была посвящена лишь небольшая заключительная часть. В ней, в частности, утверждалось, что все обвиняемые являются членами тайной организации «Консул», которая была в начале двадцатых годов создана бывшим капитаном военно-морских сил Германии Эрхардтом.

Здесь следует пояснить, что «бригада Эрхардта» действительно являлась одним из ударных отрядов правонационалистических сил Германии, участвовала в подавлении коммунистических восстаний в различных землях Германии, а также активно проявила себя во время капповского путча в марте 1920 г. в Берлине. Страны Антанты потребовали от германского правительства запретить эту бригаду. Она была официально распущена, но продолжала нелегально существовать; вот при ней и действовала тайная организация «Консул», которая также была запрещена немецкими властями. Бригаде Эрхардта или близким к ней формированиям приписывали убийство Эрцбергера в 1921 и Ратенау в 1922 г., покушение на Шейдемана и других либеральных деятелей Веймарской республики¹⁰.

В обвинительном заключении утверждалось, что по заданию организации «Консул» немецкие студенты-фашисты с поддельными документами и фальшивыми билетами членов КПГ проникли в СССР, намереваясь выяснить связи коммунистов Германии с Коминтерном, а также совершить убийство Сталина и Троцкого. Эти их действия подпадали под ст. 61, 64 УК РСФСР, обе статьи предусматривали в качестве высшей меры наказания смертную казнь.

В обвинительном заключении также говорилось, что посылка диверсионной группы во главе с Киндерманом стала частью реализации обширного плана подрывной деятельности организации «Консул» против Советского Союза. По сведениям ОГПУ в рамках такого плана эта организация летом 1924 г. уже отправилась в СССР с секретным заданием гражданина Германии Вертца, прибывшего в Ленинград под фамилией Бауман и с поддельным членским билетом КПГ. Он был арестован сотрудниками ОГПУ в августе 1924 г.

Отметим, что в ходе процесса именно Бауман и выступил основным свидетелем, на показаниях которого строились обвинения против подсудимых. Подлинное же его лицо из материалов дела немецких студентов понять очень трудно: был ли он на самом деле членом организации «Консул», да и вообще гражданином Германии – остается только гадать. Особо следует подчеркнуть, что эта «темная личность», как назвал лже-Баумана на суде Киндерман, сыграла ключе-

¹⁰ См. подробнее: Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik. Hrsg. W. Benz., H. Graml. München. 1988. S. 71; Krueger G. Die Brigade Ehrhardt. Hamburg. 1971.

вую роль в успешном проведении следствия. Похоже, что на самом деле Бауман изначально работал на ОГПУ, выполняя роль провокатора.

Согласно обвинительному заключению группа Киндермана получила шпионское задание не только от фашистской организации «Консул», но и от руководства берлинской полиции, а через него и от социал-демократической партии Германии. Об этом, по утверждению ОГПУ, свидетельствовал факт получения Киндерманом гонорара авансом за будущие репортажи из СССР от редактора берлинской газеты «*Berliner Tagesblatt*» Теодора Вольфа.

Обвинялись студенты также и в связях с германскими монархистами, о чем якобы говорили контакты с бывшим рейхс-канцлером Михаэлисом. И совсем уж бездоказательными были обвинения в связях с белогвардейской эмиграцией, тоже якобы приложившей руку к посылке шпионско-диверсионной группы в СССР. В итоге получалась полуфантастическая картина ширококомасштабного заговора против СССР, объединившего самые разнородные и даже враждующие силы, в достоверность которой трудно было поверить именно из-за ее грандиозности. К тому же многие утверждения и выводы обвинительного заключения просто противоречили элементарной логике.

Судебный процесс проходил в основном по разработанному ОГПУ сценарию, хотя были и отдельные неожиданности. Киндерман и Вольшт старались держаться мужественно и независимо, занимая по отношению к суду наступательную позицию. И без того нескучный процесс дополнительно оживляло то обстоятельство, что его участники и с той и с другой стороны активно использовали в качестве средства полемики юмор и иронию.

После оглашения обвинительного заключения Киндерман заявил, что его содержание достойно внимания не юристов, а психиатров, настолько все изложенное в нем нелепо и фантастично. А по стилю и аргументации оно похоже на политическую прокламацию. Только обнаружив в конце текста подписи судей, по словам Киндермана, он наконец-то понял, что перед ним юридический акт.

Вольшт иронично заметил, что он предпочел бы вообще не присутствовать в зале, так как в обвинительном заключении даны сведения не о нем, а о другом человеке: он же родился не в названном городе и ему не 24 года, как указано в оглашенном тексте¹¹.

При ведении судебного процесса Емельян Ярославский на полную мощь использовал свой талант публициста. Его выступления были насыщены презрительной иронией и разящим сарказмом. Не без некоторых оснований высмеивал он претензии Киндермана на статус ученого и путешественника. Не постеснялся Ярославский поиздеваться над Киндерманом за то, что тот при вступлении в студенческие организации попытался якобы скрыть свое еврейское происхождение. (А ведь самого Ярославского можно было бы обвинить в том же).

¹¹ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 42. Д. 26. Л. 36-37

В общем судебные дебаты представляли собой не только острый и публичный диспут, но и интересное театрализованное представление. Как скажет в заключительном слове Киндерман: «У меня такое ощущение, что я присутствую на хорошо поставленном спектакле, где мне приходится играть роль не только в качестве зрителя, но и актера»¹².

На вопрос председателя суда – признают ли подсудимые предъявленные обвинения - Киндерман заявил, что он и его товарищи считают все обвинения абсурдными и не признают себя виновными. Но председательствующий сделал ему замечание, что, хотя он и считает себя руководителем группы, но на суде имеет право отвечать только за себя. И действительно – Макс фон Дитмар на вопрос председателя суда заявил, что признает все выдвинутые против него обвинения. С него же, несмотря на протесты Киндермана, считавшего, что его, Киндермана, суд должен выслушать первым как инициатора и руководителя экспедиции, решили начать допрос обвиняемых. Конечно, для суда приступить к слушанию дела с показаний фон Дитмара, признавшего все обвинения, было стратегически более выгодно.

Вольшт заявил, что ни одно из предъявленных ему обвинений не считает доказанным, он полностью невиновен. Действительно, против Вольшта было собрано меньше всего улик. Даже по такому не столь уж серьезному на фоне остальных обвинению как фальсификация партийных билетов, в чем вынуждены были признаться Киндерман и фон Дитмар, у следствия и суда не было против Вольшта никаких обвинений.

Зато председатель суда Е.Ярославский настойчиво втягивал Вольшта, как и других обвиняемых, в политическую дискуссию, пытаясь доказать, что, несмотря на их заявления о принадлежности к левым политическим кругам, на самом деле они правые, более того, фашисты. А это, в свою очередь, становилось предлогом для обвинений в неискренности, а значит и в попытке скрыть истинные цели приезда в СССР.

После проведения необходимых для начала процесса формальных процедур следующее судебное заседание открылось в 10 часов утра 25 июня. В зал были приглашены свидетели, прибывшие из Германии - студенты Берлинского университета Пауль Финк и Эрих Розе. Они объявили о том, что доставили в Москву свидетельские показания бывшего рейх-канцлера Михаэлиса, редактора газеты «Berliner Tagesblatt» Теодора Вольфа, профессоров Берлинского университета и некоторых других граждан Германии, данных ими под присягой. В этих показаниях подтверждалось, что Киндерман, Вольшт и фон Дитмар действительно выехали в СССР с целью проведения научной экспедиции и вовсе не являются фашистами и диверсантами. Однако суд посчитал, что данные свидетельства не могут быть объективными и отказался приобщить их к делу.

¹² Там же. Д. 29. Л. 445-446

Также на суде предполагался допрос в качестве свидетеля советника германского посольства Гильгера. Однако Гильгер прислал в суд письмо, в котором отверг все обвинения в заговоре с его участием. Кроме того, он заявил, что готов дать показания, но только либо в помещении германского посольства, либо у себя дома. Подобные требования свидетеля квалифицировались судом как невыполнимые. Поскольку суд счел достаточно полно выясненным факт участия Гильгера в данном деле, было принято решение отказаться от его допроса.

Затем приступили к допросу свидетелей, прибывших из Германии. В ходе выяснения судом обстоятельств, при которых во время подготовки поездки в СССР подсудимые имели контакты с П.Финком и Э.Розе, постепенно произошло совершенно неожиданное превращение свидетелей в обвиняемых. Оба свидетеля вдруг оказались под градом вопросов со стороны государственного обвинителя Н.Крыленко и председателя суда о своем происхождении, политических убеждениях, причастности к студенческим корпорациям и т.п. Также, как и подсудимые они были обвинены в принадлежности к реакционным с точки зрения советских юристов студенческим объединениям и политическим организациям.

В итоге суд не только отверг показания свидетелей о непричастности Киндермана, Вольшта и фон Дитмара к шпионажу и террору, но и, более того, по заявлению председателя суда в ходе допроса вполне удалось установить, что сами П.Финк и Э.Розе также являлись членами организации «Консул» и соответственно фашистами и террористами.

Дополнительным подтверждением виновности свидетелей суд посчитал то обстоятельство, что в ночь с 27 на 28 июня Пауль Финк пытался получить в немецком посольстве свежие газеты с репортажами о процессе. Суд расценил этот факт как попытку получения инструкций у еще одного участника заговора - советника посольства Гильгера. Подвергая господина Финка интенсивному допросу о факте прихода к посольству (куда, кстати, его так и не пустили), Крыленко и Ярославский даже не считали нужным скрывать, что прибывшие граждане Германии постоянно находились под неусыпным контролем агентов ОГПУ.

Прокурор Н.Крыленко, как бы забыв об элементарных процессуальных нормах, предложил тут же возбудить уголовное дело против свидетелей и арестовать их прямо в зале суда. При этом его, по всей видимости, нисколько не смущало, что вина свидетелей по существу ничем не была доказана, кроме предположений и риторических упражнений Е.Ярославского.

Н.Крыленко тут же предъявил П.Финку и Э.Розе спешно сформулированное им обвинение по ст.61 УК РСФСР, предусматривавшей уголовное преследование лиц, участвовавших в саботаже, противодействии или организации заговора с целью свержения советской власти. 1 июля 1925 г. суд вынес специальное определение по поводу представления Крыленко, в котором говорилось, что причастность П.Финка и Э.Розе к преступлениям, в которых обвиняются подсудимые, достаточно доказана.

Однако суду пришлось учитывать указание НКВД СССР о том, что в связи с въездом П.Финка и Э.Розе на территорию Советского Союза между дипломатическими ведомствами двух стран была достигнута договоренность о недопустимости возбуждения уголовного дела против них. Поэтому суд не мог их арестовать и предложил соответствующим органам советского государства принять меры к немедленному удалению этих граждан Германии за пределы СССР¹³.

Ситуация со свидетелями еще раз ясно показывала, что суд вовсе не собирался искать истину, а имел уже заранее готовую точку зрения на все обстоятельства дела.

Для независимых наблюдателей было очевидно, что главная задача председателя суда Е.Ярославского состояла в том, чтобы, инсценировав видимость объективного судебного процесса, организовать политическое представление, призванное убедить советскую и международную общественность в существовании широкого заговора немецких реакционных кругов против Советской России. Частью этого заговора представляла поездка в СССР трех немецких студентов, оказавшихся на скамье подсудимых. Среди организаторов заговора фигурировали все, кого большевики считали врагом Советской власти: тут и фашисты, и социал-демократы, и монархисты, и буржуазные либералы, и белогвардейская эмиграция. И все они якобы непосредственно инструктировали трех молодых людей, как им разрушить Коминтерн, убить Сталина и Троцкого.

В ходе судебных заседаний убедительных доказательств какой-либо преступной деятельности подсудимых на территории СССР по существу получить не удалось. Несмотря на якобы обличительные показания Баумана и других свидетелей, никаких реальных действий по организации шпионажа или террористических актов, которые бы предприняли подсудимые, не было установлено.

Однако суд счел достаточным для доказательства их виновности в терроризме факт изъятия таможней у Вольшта револьвера и патронов. Кроме того, по данным экспертизы, проведенной сотрудниками ОГПУ, в аптечке Вольшта среди лекарств оказался яд. Насколько объективна была такая экспертиза - суд не стал выяснять. К тому же на одном из допросов в тюрьме ОГПУ Киндерман неосторожно упомянул, что во время учебы в университете читал какие-то книги о приготовлении и использовании ядов в древности. Этого оказалось достаточно, чтобы представить Киндермана и Вольшта опытными диверсантами-отравителями.

Доказательства виновности подсудимых в подготовке террористических актов против вождей СССР в основном свелись к показаниям Баумана о том, что он слышал о замыслах отравления Сталина от Вольшта во время их совместного пребывания в камере тюрьмы на Лубянке. В свою очередь Вольшт заявил, что возможно и говорил что-то подобное, но сказал это шутя, не рассчитывая, что

¹³ Там же. Д. 29. Л. 423.

кто-то может всерьез поверить в явно абсурдный замысел - запросто подобрать-ся к Сталину и дать ему яд.

Но самое главное - у следствия и суда были признательные показания фон Дитмара. Почему он их дал и насколько его признания соответствовали реальным обстоятельствам – об этом предпочитали не рассуждать. Действительно, как собирались студенты подсунуть яд Сталину или Троцкому, возможно ли было это в принципе – такие простые вопросы как бы даже не приходили судьям в голову.

Дополнительным доказательством виновности подсудимых в подготовке к терактам и в шпионаже против СССР должны были стать якобы установленные следствием факты их сотрудничества с немецкой полицией. В качестве доказательств также воспринимались сведения о якобы реакционной деятельности обвиняемых на территории Германии.

Но самым главным доказательством, которое и призван был подтвердить судебный процесс, являлась связь подсудимых с организацией «Консул», которая, по утверждению ОГПУ, имела целью своей деятельности подрыв и свержение советской власти в России. Можно ли судить гражданина другого государства, приехавшего в качестве туриста, за его убеждения и действия в своей собственной стране, за членство в какой-либо организации – такие вопросы члены суда перед собой не пожелали поставить.

Ведение судебного процесса Е.Ярославским проходило вообще не по стандартным нормам уголовно-процессуального права. Дискуссии между председателем суда и подсудимыми, да и вся атмосфера в зале, скорее напоминали комсомольские или партийные собрания, проходившие в СССР в период чисток партии и борьбы с оппозицией. По принятым в Советском Союзе канонам судьи тщательно выясняли классовое происхождение и политические убеждения подсудимых, их отношение к коммунистической идеологии и рабочему движению. Как было принято тогда в СССР, большое значение придавалось классовой и политической характеристике родственников. Очень много времени суд уделил выяснению классово-политических характеристик родителей Киндермана и Вольшта, с фон Дитмаром все было и так ясно.

При этом любое обстоятельство, не отвечающее советским представлениям о должном, интерпретировалось против них. Так, если Киндерман упомянул, что во время учебы подрабатывал в музее берлинской полиции, значит он - секретный агент, шпик и провокатор. Если отец Киндермана являлся владельцем бюро по взысканию долгов, то, взыскивая их, он, конечно, разорял и эксплуатировал «беднейшее трудовое население Германии». О том, что беднейшее население обычно не выписывает векселей, по которым отец Киндермана взыскивал долги, суд как бы забыл. Если отец у Вольшта профессор университета, то он, разумеется, по определению советских юристов - «реакционный профессор». И даже «положительные» с советской точки зрения поступки или обстоятельства все равно служили доказательством коварных замыслов подсудимых. Голосование

Вольшта за коммунистов было объявлено лицемерием. Высылку фон Дитмара из Баварии за участие в рабочей демонстрации назвали фиктивной.

На весь ход судебного процесса большое влияние оказало специально принятое постановление ЦК КППГ от 23 июня 1925 г. В нем немецкие коммунисты заявляли, что, несмотря на утверждения представших перед советским судом студентов об их принадлежности к КППГ, в действительности они не являются настоящими и активными членами партии. Билеты членов КППГ Киндерману и фон Дитмару были выданы только в августе 1924 г. по недосмотру и халатности партийных работников, о деятельности Вольшта в рядах КППГ нет никаких сведений.

Более того, по сведениям, которые, видимо, по заданию из Москвы были собраны немецкими коммунистами, фон Дитмар ранее участвовал в деятельности правонационалистических организаций. Впрочем, кроме этого, каких-либо весомых доказательств шпионских или террористических намерений Киндермана, Вольшта и фон Дитмара немецкие коммунисты не смогли представить¹⁴.

Однако в СССР сам факт возможного проникновения в ряды Компартии, а тем более фальсификации партбилетов воспринимался как тягчайшее преступление. Поэтому большая часть судебных заседаний была посвящена именно выяснению отношения подсудимых к коммунистической партии, к ее идеологии и т.п., хотя сам по себе этот вопрос имел, по меньшей мере, косвенное отношение к тем обвинениям, которые были выдвинуты против них в уголовном процессе.

Итак, вместо выяснения конкретных фактов, с помощью которых доказывалась бы вина подсудимых, в зале суда в течение нескольких дней обсуждалось их происхождение, биографии, политические убеждения и любая деятельность, начиная со времени учебы в гимназии. Наверное, можно считать ошибкой Киндермана и Вольшта, что они пытались объяснить судьям свои политические взгляды и вообще позволили втянуть себя в эту полемику, весьма далекую от сути рассматриваемого судебного дела. Но, впрочем, не они определяли направление и вопросы судебной дискуссии.

Видимо, Киндерман и Вольшт вначале надеялись, что, не имея весомых доказательств, подтверждавших совершение ими какого-либо преступления, суд не рискнет на глазах у мирового сообщества осудить их на смерть только на основе чьих-то словесных показаний и даже собственных признаний фон Дитмара. Но, наблюдая бесцеремонность суда, они поняли, что дело принимает нешуточный оборот. В качестве защитника Киндерман выступил с заявлением, потребовав возвратить дело на дополнительное расследование, так как представленных следствием доказательств недостаточно для выяснения истины. Однако суд счел это требование необоснованным и отклонил его.

Н.Крыленко выступил с трехчасовой речью, в которой назвал обвиняемых первым отрядом фашистов, готовивших нападение на СССР. Этот отряд, несмот-

¹⁴ Правда. 1925. 30 июня.

ря на то, что по признанию самого прокурора еще ничего не успел сделать, должен быть безжалостно уничтожен, чтобы показать решимость советского государства защищать себя от всех возможных врагов.

Понимая, что независимые наблюдатели судебного процесса непременно будут отмечать отсутствие у суда доказательств конкретных преступных действий подсудимых, Крыленко, как бы предвосхищая тезис А.В. Вышинского, утверждал, что признаний фон Дитмара вполне достаточно для решения вопроса о виновности. К тому же, по его мнению, при защите интересов революции пролетарский суд не связан прежними «буржуазными» нормами, требующими объективных доказательств вины подсудимых. «Мы бросили в печь те лживые слова, которые написаны на фронтонах буржуазных судов», - заявил Крыленко. Об «объективности» прокурора свидетельствовало и его заявление о том, что в защите безопасности советского государства и его вождей «лучше переборщить, чем недоборщить»¹⁵.

Даже для фон Дитмара, по существу перешедшего на сторону следствия и суда, старательно работавшего в пользу обвинения, у Крыленко не нашлось слов благодарности и снисхождения. Он потребовал и его расстрелять, мотивируя это тем, что фон Дитмар уже нанес ощутимый вред делу пролетарской революции своей деятельностью в прошлом.

В последнем слове Киндерман и Вольшт заявили, что не признают себя виновными и назвали все происходящее полным фарсом. Киндерман сказал, что высшей меры наказания достойны не они, а следователи ОГПУ, полностью нарушившие все требования законности. Оба держались очень спокойно и мужественно, несмотря на свою молодость и трагичность сложившейся для них ситуации.

Макс фон Дитмар выступил с последней длинной речью, скорее всего, судя по ее содержанию и лексике, написанной для него сотрудниками ОГПУ. Об этом, в частности, свидетельствуют такие пассажи: «Я еще раз обращаю внимание Верховного Суда, что вся экспедиция является провокацией социал-демократии и берлинского полицей-президиума... Лживое буржуазное общество использовало нас в своих тёмных целях и оно отвечает за наши молодые жизни перед всем миром»¹⁶.

Фон Дитмар признал все обвинения справедливыми и заявил, что, хотя теперь осознал свою вину и раскаялся, он все же достоин смерти за свои преступные замыслы против страны Советов. Подобное заявление еще раз подтверждает, что вся его речь была написана сотрудниками ОГПУ: вряд ли любой нормальный человек на его месте стал бы сам себе требовать смерти.

Большинство присутствующих в зале суда уже понимало, что, независимо от убедительности представленных в ходе следствия и суда доказательств, участь

¹⁵ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 42. Д. 29. Л. 420-422.

¹⁶ Там же. Л. 503-506.

подсудимых предрешена. Хотя никто тогда не знал, что приговор и будущая судьба подсудимых действительно определены уже на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 2 июля 1925 г., в постановлении которого говорилось: "а) Дать суду директиву определить в приговоре высшую меру наказания по отношению ко всем трем подсудимым. б) Поручить т.Крыленко найти формальный повод для не приведения приговора в исполнение ... не упоминая об этом в приговоре."¹⁷

В 19 часов 2 июля суд удалился на совещание, оглашение приговора состоялось уже после полуночи – в половине первого ночи 3 июля 1925 г. Все трое, в том числе и выступивший с разоблачениями своих товарищей и с раскаянием Макс фон Дитмар, были приговорены к смертной казни.

Приговор был окончательным и не мог обжаловаться в кассационном порядке. У осужденных оставалась лишь возможность в течение 78 часов просить о помиловании. Это, безусловно, также являлось нарушением общепринятых норм права, но вместе с тем уже давно стало в СССР обычной практикой для судилищ, организованных ВЧК-ОГПУ. Позднее, в годы большого террора, порядок скорого и окончательного суда станет еще более распространенным и почти привычным.

В тексте приговора по существу так и не было дано убедительных доказательств вины подсудимых, кроме свидетельств Баумана и признаний фон Дитмара. Вместо этого основную часть текста заняли многословные политические обвинения, относившиеся уже не к подсудимым, а ко всей немецкой «реакционной своре»: фашистам, социал-демократам, либералам.¹⁸

О том, что не только весь ход судебного процесса, но даже и текст приговора не соответствовал элементарным представлениям о правовых нормах, требованиям к юридическим документам говорит, например, такая деталь. В материалах дела и на суде речь шла только о подготовке покушения на Сталина и Троцкого. Затем, видимо, Е.Ярославский как опытный политик понял, что Сталину может не понравиться такое соседство. И в приговоре вдруг появляется утверждение, что подсудимые собирались убить Сталина, Зиновьева, Троцкого и Дзержинского. В таком перечислении вождей СССР упоминания рядом фамилий Сталина и Троцкого удалось избежать.

Советская печать, а по сообщениям газет и вся советская общественность, встретила смертный приговор немецким студентам «с глубоким удовлетворением». На Западе же приговор вызвал бурю протеста, в газетах его называли детоубийством, совершаемом на глазах всего мира. Редактор берлинской газеты «Berliner Tagesblatt» в передовой статье написал, что процесс показал «нечистоты московской юстиции». По его мнению, в России, подавленной страхом перед террором большевиков, живое стремление молодых немцев к общению и иссле-

¹⁷ Политбюро ЦК... и Европа, с.84

¹⁸ Известия. 1925. 4 июля.

дованию, их веселый характер показались странными и были восприняты неадекватно.

Родители Киндермана и Вольшта публично заявили, что Германия не проявила должной воли для защиты своих граждан и потребовали от германского государства выступить с более решительным протестом. В английских газетах не без злорадства обсуждали вероятность разрыва отношений между Германией и СССР в связи с возможными заявлениями¹⁹.

Но все-таки расстрелять молодых людей только за якобы преступные намерения, которые ни в чем не были реализованы, советское руководство не решилось. Видимо, оно все-таки опасалось негативной реакции мировой печати и общественности. Н.Крыленко в заявлении, опубликованном в газетах «Правда» и «Известия» 6 июля, уже несколько смягчил категоричный тон и упомянул о возможности помилования осужденных.

Как зафиксировано в архивных документах, в полдень 6 июля 1925 г. в Верховный Суд СССР поступила телефонограмма из Президиума ЦИК СССР, в которой предлагалось немедленно отложить исполнение смертного приговора до особого распоряжения. Судебное дело предписывалось срочно передать в Президиум ЦИК СССР.²⁰ 8 июля газета «Известия» опубликовала сообщение из канцелярии Президиума ЦИК СССР о том, что по ходатайству родителей Киндермана и Вольшта, а также защитника Макса фон Дитмара адвоката Оцепа Президиум принял решение о приостановлении исполнения приговора. Иначе говоря, поспешное убийство было предотвращено.

То, что немецкие студенты оказались в роли заложников, подтверждает дальнейшее развитие событий. В октябре 1925 г. осужденные в Германии к смертной казни по "делу ЧК" агенты ОГПУ во главе с Александром Скоблевским были помилованы.²¹ 31 октября 1925 г. на заседании Президиума ЦИК СССР было принято решение о применении частной (т.е. касавшейся только данных осужденных) амнистии к немецким студентам. Расстрел им заменялся десятью годами лишения свободы со строгой изоляцией и последующим поражением в правах на пять лет.²² Что это означало по отношению не к советским, а к иностранным гражданам – остается только догадываться. Возможно, после отбытия заключения их ожидала еще и пятилетняя ссылка в Сибирь, куда они так легкомысленно собирались прокатиться с научной экспедицией.

Но судьба оказалась к молодым людям благосклонна, им не суждено было сгинуть в недрах советских тюрем и лагерей. Оказавшись после окончания Первой мировой войны в роли изгоев по отношению к сообществу европейских государств, СССР и Германия были заинтересованы в поддержании контактов в раз-

¹⁹ Известия. 1925. 8 июля.

²⁰ ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 42. Д. 26. Л. 62.

²¹ Nolte, Ernst. Der europäische Bürgerkrieg. 1917 - 1945. S.148

²² ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 42. Д. 26. Л. 63.

личных областях. Подписание в апреле 1926 г. торгового договора, подтвердившего и развившего Раппальские соглашения, способствовало разрешению многих конфликтных ситуаций, имевшихся между СССР и Германией. В частности, в 1926 г. между СССР и Германией был согласован протокол о взаимном обмене граждан, находившихся в заключении на территории другой страны. К тому времени их накопилось уже немало.

Германское посольство указало в списке для обмена заключенными фамилии Киндермана и Вольшта. Разумеется, Макс фон Дитмар не мог быть включенным в этот список, так как он являлся гражданином Эстонии. 2 июля 1926 г. Народный Комиссариат иностранных дел обратился к Верховному Суду СССР с просьбой о включении двух указанных осужденных в список лиц, подлежащих обмену.²³ Немецкие студенты таким образом в сентябре 1926 г. получили свободу, отсидев в тюрьмах негостеприимной для них Советской России без малого два года.

О судьбе фон Дитмара пока остается только гадать. Ясно только, что она была менее удачливой, а, может быть, даже трагичной. Согласно официальному сообщению Народного Комиссариата иностранных дел СССР Макс фон Дитмар 23 марта 1926 года скончался "от сердечного удара" во внутренней тюрьме ОГПУ. Не исключено, что он был ликвидирован чекистами как опасный свидетель творившегося беззакония.

В то же время вряд ли справедливо утверждение Маргарет Бубер-Нойман в ее воспоминаниях, опубликованных впервые в ФРГ в 1967 г., что Макс фон Дитмар с самого начала всей этой истории являлся агентом-provокатором ОГПУ.²⁴ Тем более, что она знала о студенческом процессе только со слов своего мужа - руководителя немецкой секции Коминтерна Хайнца Ноймана, выступавшего на нем в качестве свидетеля и эксперта. Более вероятно, что Макс после ареста был сломлен и запуган сотрудниками ОГПУ, как и многие другие "раскаявшиеся" подсудимые на подобных показательных процессах. Киндерман, пережив сам инсценировку расстрела после встречи с Дзержинским, предполагает, что Макс просто не выдержал такого же испытания и согласился сыграть роль, которую навязали ему чекисты.²⁵

Вся описанная история с немецкими студентами убедительно доказывает, что ставшие "визитной карточкой" сталинской юстиции московские показательные судилища в 1936 - 1938 гг. были продолжением, а во многом и просто повторением сценария, разработанного и опробованного ОГПУ в деле "о студентах-террористах" еще в 1925 г. Можно утверждать, что попрание норм права, разгул насилия и террора в 1930-е гг. были подготовлены всем предыдущим периодом суще-

²³ Там же. Л. 69.

²⁴ См.: Нейман-Бубер М. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920 - 1930-х годах. М., 1994. - С.54.

²⁵ Kindermann, Karl. Zwei Jahre in Moskaus Totenhäusern. S.178.

ствования большевистской диктатуры и по существу были заложены в основание всей партийно-государственной машины СССР.

А у истоков этого апофеоза насилия и беззакония стоял не только Сталин, но и сам "железный Феликс", которого некоторые историки и политики уже в наши дни пытаются представить поборником законности и даже противником сталинского курса. Отдельные депутаты Госдумы предлагают вновь водрузить на Лубянской площади свергнутый в августе 1991 г. памятник основателю ВЧК как символ благородного рыцаря революции и образец для тех, кто сегодня работает в строгих кабинетах печально знаменитого здания. Восстановление памятника Дзержинскому в центре Москвы действительно стало бы символом, но символом возвращения к порочному кругу российской истории, в котором законность и правосудие всегда приносятся в жертву идеологии и политической целесообразности.